

Интенциональность как базовый механизм речевой деятельности

Светлана Васильевна Мощева

Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия
moshevasv@mail.ru

Ключевые слова: интенциональность, речевая интенция, речевой акт, теория речевых актов, прагмалингвистический и функциональный подходы, полимодусность

Key words: intentionality, verbal intention, speech act, speech acts theory, pragmalinguistic and functional approaches, polymodality.

Отметим тот факт, что проблема интенциональности в когнитивных науках и по сей день не остается без внимания исследователей, поскольку изучение способов реализации данной категории в современных языках нельзя отнести к лингвистически решенным задачам.

Понятия интенциональность и интенция неоднозначно трактуются исследователями. Однако Дж. Серль, приверженец теории речевых актов, трактует интенциональность как направленность на объекты или положения дел в мире, утоняя, что «субъективные состояния соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть интенциональность» (Searl, 1998); интенциональность не связана напрямую с намерением в общеупотребительном языке. Интенциональные состояния обычно обладают структурой, аналогичной структуре речи. Общую структуру интенциональности Дж. Серль представляет следующей формой – $S(p)$, где буква «S» обозначает тип психологического состояния, а «р» – пропозициональное содержание этого состояния. Пропозициональные интенциональные состояния обычно имеют условия выполнимости и направление соответствия. Функции интенциональности состоят лишь в том, чтобы задавать условия выполнения, имея в качестве предпосылки доинтенциональные или неинтенциональные способности. Интенциональность, по мнению автора, может быть не только индивидуальной, но также и коллективной; коллективная интенциональность позволяет группам людей создавать общие институциональные факты (Серль, 2004).

Что же касается термина интенция, он был введен в современную лингвистику последователями Дж.Остина с целью достижения более высокой точности в описании иллокуции и иллокутивной функции. В имеющихся место определениях интенции акцентируются различные аспекты данного феномена. Так, по определению Г.П. Грайса, интенция представляет собой намерение говорящего сообщить нечто, передать в высказывании определенное субъективное значение. Это субъективное значение сводится к понятию, выражаемому в контексте «А подразумевает нечто, говоря х»; интенции говорящих и успех их распознавания слушающими были соотнесены с господствующими в данном языковом сообществе «соглашениями» относительно значения тех или иных выражений. Условием же успеха распознавания интенции индивида А является его включенность в языковое сообщество (Грайс, 1985). Дж. Серль разграничивает интенцию и Интенциональность (с прописной буквы), отмечая, что намерение сделать что-то является лишь одной из форм Интенциональности наряду с верой, надеждой, страхом, желанием и т.п. Это разграничение Дж. Серль реализует в своей классификации иллокутивных актов, учитывая то, что ряд глаголов наряду с обозначением речевого акта, называет и коммуникативную интенцию говорящего.

Согласно теории речевых актов минимальной единицей речевой деятельности является речевой акт, основным признаком которого является целенаправленности, т.е. цель, намерение/интенция говорящего произвести определенное воздействие на адресата. Отметим, что до настоящего времени не существует единого определения речевого акта. Например, речевой акт – минимальная основная единица речевого общения, в которой реализуется одна коммуникативная цель говорящего и оказывается воздействие на адресата (Арутюнова, 1990, с. 412); речевой акт – элементарная единица речи, последовательность языковых выражений, произнесенная одним говорящим (Habermas, 1983, с. 140); речевой акт – выбор одной из многочисленных переплетающихся между собой альтернатив, образующих «семантический потенциал» языка (Halliday, 1970, с. 142) и др. Сложность исследования интенциональной структуры речевого акта связано и с тем, что в реальном общении происходит накладывание нескольких различных целей и намерений говорящего, поэтому эффективность речевой стратегии оценивается по достижению максимального количества целей, либо в зависимости от их иерархии.

Изучение интенциональности речевого поведения включает и анализ постулатов общения, принципов/правил коммуникации, т.е. учения о правилах (максимах) коммуникации, которые выявляют новые, ранее не исследуемые способы логической организации коммуникативного общения, участвующие в формировании значения высказываний и оказывающие влияние на ситуацию общения в целом. Это – хорошо известный «Принцип Кооперации», предложенный Г. П. Грайсом, который содержит четыре максимы, т.е. 1. количества (высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога) / высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется); 2. качества (не говори того, что ты считаешь ложным / не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований); 3. отношения (не отклоняйся от темы); 4. способа (выражайся ясно, а именно: избегай непонятных выражений, избегай неоднозначности, будь краток (избегай ненужного многословия), будь организован) (Грайс, 1985). Нельзя не сказать и о «Принципе Вежливости», сформулированном Дж. Личем, который характеризует отношения между говорящими. Данный принцип также включает несколько максим, а именно: 1. такта (сведи к минимуму издержки для другого / сделай максимальной пользу для другого); 2. великодушия (сведи к минимуму пользу для себя / максимально увеличь потери для самого себя); 3. одобрения (сведи к минимуму порицание другого / сделай максимальной похвалу другого); 4. скромности (сведи к минимуму восхваление себя самого / доведи до максимума порицание в адрес самого себя); 5. согласия (сделай минимальным несогласие между собой и другим / добейся максимального согласия между собой и другим); 6. симпатии (сведи к минимуму антипатию между собой и другим / добейся максимальной симпатии между собой и другим) (Leech, 1983).

Представленные максимы подвергались и подвергаются критике в ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов. Однако необходимо отметить, что Г. П. Грайс никогда не настаивал на неукоснительном следовании говорящим всех максим речевого взаимодействия, которые были им сформулированы. Данное утверждение автор комментирует, приводя ряд примеров неисполнения постулатов участником речевого общения (Грайс, 1985, с. 226):

1. он может с невозмутимым видом, недемонстративно не соблюсти постулат;
2. он может уклониться от соблюдения как конкретного постулата, так и вообще «Принципа Кооперации»: сказать или дать понять, что он не склонен сотрудничать;
3. он может попасть в ситуацию конфликта — например, оказаться не в состоянии выполнить первый постулат количества («Будь достаточно

информативен»), не нарушая второго постулата качества («Твои слова должны иметь достаточное обоснование»);

4. он может нарушать постулат, то есть откровенно отказаться от его соблюдения.

К сознательным нарушениям постулатов можно отнести и косвенные речевые акты, и метафорические высказывания, и высказывания иронического характера. Слушающему, когда он воспринимает актуальное метафорическое высказывание, нужно знать не только свой язык, но и быть в курсе того, в каких условиях высказывание произносилось; должен владеть общими с говорящим фоновыми представлениями. Он должен также располагать дополнительной фактической информацией, которая может ему позволить понять, что для говорящего *S есть P* фактически означает *S есть R*, удовлетворяя при этом условию истинности (Сусов, 2006, с. 111).

Намеренное либо ненамеренное игнорирование представленных постулатов, по мнению авторов, заставляет адресата прибегать к процедуре интерпретации, декодируя первоначальное намерение, вычисляя скрытый смысл, т.е. импликатуру. В своих исследованиях мы также отмечаем неоднозначное отношение к озвученным выше принципам, т.к. некоторые принципы могут казаться несущественными, некоторые наивными с точки зрения современных коммуникативных реалий. Наша позиция такова, что процесс соблюдения/игнорирования максим облигаторен в определенных типах дискурса. Так, например, для дискурса массмедиа, который является предметом нашего анализа, нарушение ряда принципов согласуется с понятием аттрактивности и *запланированной* направленности речевого поведения для достижения перлокуции, что говорит об особой интенциональной маркированности данного типа дискурса (Мощева, 2012).

В работе «К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания» И.М. Кобозева считает, что понятие интенциональности не получило общепринятого лингвистического содержания. В основе языковых явлений, которые ранее определялись в терминах модуса, субъективной и объективной модальности, пресуппозиции, условий успешности речевого акта, исходного предположения, оценочной коннотации, по мнению автора, находятся интенциональные состояния сознания говорящего. Автором также выделяется понятие «интенционального компонента смысла высказывания», под которым понимается «информация обо всех интенциональных состояниях сознания говорящего, прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированных в его языковой структуре» (Кобозева, 2003, с. 2).

Обращение к интенциональности по отношению к грамматическим категориям подразумевает связь семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности.

Можно отметить ряд исследований, в которых анализу подвергались отдельные средства выражения интенциональности. Например, системно-функциональное описание интенциональных глаголов (Н. Н. Казыдуб); анализ глаголов волеизъявления (И. Г. Жирова); выявление семантического поля глаголов, выражающих волеизъявление и определение функционально-семантического поля волеизъявления (Т. Н. Распопова, Г. А. Серебрякова); работы, в которых рассматривались семантико-синтаксические свойства конструкции «N + is going + инфинитив» (Р. И. Цыба), а также семантико-синтаксическая структура конструкций с глаголами желания и семантико-синтаксический анализ представленных конструкций без учета прагматического аспекта (О. Г. Ягодникова, Ф. Х. Ниссен); речевые свойства базисных волитивных конструкций английского языка (Г. В. Гунченко) и другие.

Поскольку интенциональность представляется как понятийная антропологическая категория, то семантика намерения вербализуется

разнопорядковыми языковыми единицами: *лексическими* (собственно интенциональные глаголы; глаголы, обозначающие решение выполнить действие; глаголы, обозначающие предварительную подготовку к осуществлению действия; глаголы желания совершить действие; глаголы попытки (Казыдуб, 1991, с. 60)); *морфологическими* (глагольные формы с импликацией намерения – to be going + Infinitive/ to be willing + to + Infinitive/ to be + Ving; категориальные формы Present Indefinite и Future Indefinite с импликацией намерения); *синтаксическими* (инфинитивные конструкции со значением намерения – to + Infinitive/ in order + to Infinitive/ for + Object + to + Infinitive/ so as (so's) + to Infinitive/as if (as though) + to Infinitive; придаточные предложения обстоятельства цели – so that + clause/ in order that + clause/ lest + clause/ so as + clause/ so + clause; предложно-именные сочетания с импликацией намерения – for + Gerund (for the sake of/for the purpose of+ Gerund)/ to, for + noun (for the sake of + noun) (Заюкова, 2003, с. 94 – 96).

Согласно словарю П. Роже, речевое намерение выражается следующими глаголами – «*intend, take upon oneself, take into one's head, meditate, contemplate, premeditate, envision, think of, dream of, aspire, project, plan, design, plot, have a mind, feel like, be about, make an effort, be on the point of, be on the verge of, make up one's mind, set one's mind on smth., mean, propose, purport, aim, decide, determine, rule, settle, tend, resolve, expect, purpose, scheme, devise, contrive, try, attempt, essay, endeavour, strive, struggle, exert, arrange, be prepared, be ready, want, wish, wish for, desire, covet, hanker, hunger, thirst, itch, spoil, long for, hope for, yearn for, pine for, fancy, crave and other ones*» (Roget, 1936).

Однако представленные глагольные формы обладают различными коннотациями, что дает возможность выделить группы, а именно (Заюкова, 2005, с. 19):

- глаголы, обозначающие намерение осуществить действие (*intend, mean, propose, purpose, purport, aim, tend, think, be about to do smth., be on the point of, be on the verge of, have a mind to do smth., have half a mind to do smth.*);
- глаголы, обозначающие сформированное решение осуществить действие (*decide, resolve, determine, rule, settle, make up one's mind, take upon oneself, take into one's head, set one's mind on smth. be ready*);
- глаголы, обозначающие предварительную подготовку к осуществлению действия (*arrange, plan, plot, prepare, project, design, meditate, contemplate, premeditate, envision, scheme, devise, contrive, think of*);
- глаголы желания совершить действие (*desire, want, yearn, wish, covet, crave, hanker, long, pine, hunger, thirst, dream of, hope, fancy, itch, spoil, feel like, aspire*);
- глаголы попытки (*attempt, endeavour, try, essay, struggle, strive, exert, make an effort*).

Отметим, что переработанная и дополненная версия тезауруса П. Роже содержит и другие единицы языка, кроме глагольных форм, которые обладают интенциональностью, т.е. существительные (*intent, intentionality; purpose; predetermination; design, ambition...*), прилагательные (*intentional, advised, express, determinate; prepense; disposed, inclined, minded; bent upon (earnest)...*) и наречия (*advisedly, wittingly, knowingly, designedly, purposely, on purpose, by design, studiously, pointedly; with intent*) (Mawson, Sylvester, 2000).

К анализу грамматического аспекта исследуемого феномена обращается в своих работах и А. Н. Бондарко. В статье «К проблеме интенциональности в языке» автор акцентирует внимание на семантических функциях грамматических категорий глагола, основываясь на функционировании глагольных форм в высказывании. Примером

проявления интенциональности, по мнению автора, может служить смысловая актуализация временной семантики в высказываниях, включающих соотношения форм времени: «*Остался по доброй воле, т.е. долгу, – как я всю жизнь, как Вы всю жизнь – оставались, останемся, оставаться – будем*» (М. Цветаева, Письма к Анне Тесковой). Показательны возможные уточнения, связанные с заменой формы времени: «*С особенной силой чувствую сейчас или, скорее, чувствовал сейчас на гулянье эту великую радость – любви ко всем*» (Л. Толстой, Дневники); интенциональность видového противопоставления при выражении ситуаций типа «попытка-результат»: «*Догоняли, да не догнали; Объяснял, да не объяснил; Вспоминали, вспоминали, наконец вспомнили*» (Бондарко, 1994, с. 29). В конативных ситуациях с имплицитно выраженной модальностью попытки, отмечает в своем исследовании М. Г. Милютинa, семантическая функция двух противопоставленных по виду глаголов, теснейшим образом связана с намерениями говорящего отразить модальный аспект ситуации; «данные ситуации с полным правом можно отнести и к внутренне интенциональным, потому что они, помимо деятельности субъекта, имплицитно еще его ментальное состояние, обладающее свойством направленности» (Милютинa, 2006, с. 23).

Интересна и следующая парадигма – *интенциональность-неинтенциональность*. Интенциональности, полагает А. Н. Бондарко, противопоставляет неинтенциональность, т.к. данное свойство характеризует функции, которые не участвуют в реализации намерений говорящего и не являются актуальными элементами смысла высказывания. Примером неинтенциональной функции может служить выражение отнесенности действия к лицу мужского или женского пола, где употребление форм определенного рода, которые указывают на пол лица-субъекта, обусловлено грамматической необходимостью. Другими словами, говорящий употребляет глагольные формы с показателями рода не потому, что он хочет передать смысл «субъект действия – лицо мужского (женского) пола», а потому, что он не может не выразить отношение к полу, связанное с обязательностью категории рода в данном классе форм (Бондарко, 1994, с. 29). Однако «неинтенциональная» функция, основанная на соотносительности действия к лицу определенного пола, не является универсальной из-за отсутствия внутриязыковых правил в ряде языков. К примеру, в английском языке. Так, автором высказывания в коммерческой рекламе «Birkbeck University of London» («**I wouldn't have got my current job without this degree – not without Birkbeck**») - «*Я бы не получил(а) моей работы без этой квалификации...*») и социальной рекламе «Keep a Child Alive» («**I am American. Help us stop the dying. Pay for lifesaving aids drugs that can keep a child, a mother, a father, a family alive. Visit keepachildalive.org to help**») – «*Я – американец (американка).....*») может выступать лицо любого пола в зависимости от целевой аудитории и прагматических целей высказывания (Мощева, 2012).

Функциональный подход не предполагает обращения к понятиям локутивного, иллюкутивного, перлокутивного актов, как в теории речевых актов. Акцентируется внимание не столько на коммуникативных целях высказывания, сколько на семантических функциях грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания; «исследуются (с особой точки зрения – по отношению к признаку интенциональности) функциональные потенции конкретных грамматических форм (форм вида, времени, склонения, лица, залога, числа, падежа и т.п.) и реализации этих потенций в высказывании» (Бондарко, 1994, с. 30).

Интенциональность в предлагаемой интерпретации включает два аспекта: 1) аспект смысловой информативности (актуальности) – имеется в виду способность данной функции быть элементом выражаемого смысла; 2) аспект собственно интенциональный – связь с намерениями говорящего в акте речи, с коммуникативной

целью, с целенаправленной деятельностью говорящего. Указанные аспекты интенциональности тесно связаны, т.е. смысловая информативность грамматического значения является необходимым условием его использования в речи для реализации намерений говорящего.

Разделяем точку зрения многочисленных исследователей в том, что новые акценты, поставленные в современной лингвистической парадигме, позволяют переосмыслить суть, природу, функции языка, речи и речевой деятельности, выйти за грани сугубо рационального подхода к языку как объекту лингвистического исследования. В этой связи функциональный подход обогащается изысканиями, которые направлены на выявление причин языковой и речевой вариативности и расширения номенклатуры средств передачи информации; стратификации языковых единиц согласно их роли в процессе коммуникации и т.д.

Текст массмедиа, в качестве материала нашего исследования, предопределил выбор тактик и подходов к исследованию интенциональности речевого поведения, т.е. необходимости обращения к комплексному подходу в процессе анализа медийного дискурса, который мы рассматривает в качестве семиотически осложненного образования, что требует описания комплексов аттракторов, усиливающих речевое намерение, с целью достижения запланированного перлокутивного эффекта. Онтология интенциональности представлена следующей последовательностью: мотив/желание – намерение/решение – попытка/результат. Однако в деятельностной реализации приведенная последовательность может быть нарушена в силу разных причин на любом сегменте. Отсюда делается заключение об имеющихся разноуровневых средствах выражения интенциональности, причем выбор средств «обусловлен личностными качествами говорящего, стоящими перед ним целями и задачам и поставлен в прямую зависимость от субъекта речи» (Austin, 1962, с.167).

Наши научные изыскания осуществляются в рамках полимодусного подхода, что подразумевает учет различных способов передачи информации, которые сопровождают речевой акт. Мы исходим из понимания полимодусности как более обширного явления, нежели соотношение вербального и невербального компонентов. Полагаем, что анализ с точки зрения полимодусности предполагает рассмотрение всех языковых уровней, поскольку каждый уровень обладает номенклатурой средств, которые несут определенную экспрессию, выразительность, соответствующую смысловую и интенциональную нагрузку.

Обращение к предлагаемому подходу в ходе изучения интенциональности речевого поведения на материале медийного дискурса может разрешить вопросы, выявленные при анализе экспериментального корпуса. Это – 1. сложность сегментации речевого высказывания на единицы, которые соответствуют речевым актам; речевые акты не всегда определены на уровне отдельных высказываний; функции речевых действий могут реализоваться в более мелких/крупных сегментах дискурса; 2. множественность функций одного высказывания; 3. ограниченность трактовки контекста в теории речевых актов, т.е. для определения иллокутивной цели высказывания и типа речевого акта иногда требуется привлечение дополнительных сведений, например, знаний социальных и культурных правил языкового поведения коммуникантов, отношения коммуникантов в микро- и макросоциальном контексте, т.е. аппарат социолингвистики, отслеживающий социокультурную вариативность языковых конвенций (Мощева, 2013). Характер речевого общения определяется прагматическими параметрами коммуникативной ситуации, включающими в себя пространственно-временные характеристики общения, индивидуальные характеристики участников коммуникации (социальный статус, роль, пол, возраст,

жизненный опыт, образование, психологические характеристики коммуникантов и т.д.), специфику жанра и другие.

Прагматический потенциал интенциональных высказываний имеет широкий диапазон; его иллокутивная сила выявляется в конкретном контексте и имеет многофакторную основу. Тенденция к рассмотрению интенциональности в качестве центрального базового понятия приобретает особое значение и в рамках анализа дискурса. В числе последних разработок в рамках данного направления — методика интен-анализа для выявления интенциональной направленности текста, что предполагает анализ авторских дескрипторов (Ушакова, 1998).

Анализ показывает, что понятие интенции применимо и к отдельному высказыванию, и к тексту (интенциональный анализ текста). Принимая во внимание текстообразующую функцию интенции, считаем возможным классифицировать тексты по преобладающей интенции, по определенности/неопределенности, выраженности/сокрытости интенции (например, генеральная интенция текста рекламного характера – директивная, т.е. заставить адресата предпринять определенные действия). Однако любой текст, в том числе и медийный, характеризуется полиинтенциональностью, соответственно, реализация преобладающей интенции сопровождается пошаговыми интенциями.

Таким образом, в нашем исследовании мы исходим из следующих определений: интенциональность является основополагающей стороной речевого механизма и продуцируемой им речи; коммуникативная интенция представляет конкретную цель высказывания, отражающую потребности и мотивы говорящего, мотивирует речевой акт, лежит в его основе, воплощается в интенциональном смысле, который имеет разнообразные способы языкового выражения в высказываниях.

Литература:

- AUSTIN, John Langshaw: *How to do things with words*. London: Clarendon Press 1962.
- HABERMAS, Jürgen: *Universalpragmatische Hinweise auf das System der Ich-Abgrenzungen*. Repr. In: *Seminar: Kommunikation, Interaktion, Identität*. 2. Aufl. Eds. M. Auwärter, E. S. K. Kirsch. F. M.: Suhrkamp 1983, p. 332 – 347.
- HALLIDAY, Michael Alexander Kirkwood: *Language structure and language function*. In: *New horizons in linguistics*. Ed. J. Lyons. Harmondsworth: Penguin 1970, p. 140 – 165.
- LEECH, Geoffrey, N.: *Principals of pragmatics*. London, New York 1983.
- Roget's international thesaurus of English words and phrases. Ed. Ch. Mawson. New York: Bartleby.com, 2000. [online]. Dostupné na: <http://www.bartleby.com/110/>
- ROGET, Peter Mark: *Thesaurus of English words and phrases*. Longmans 1936.
- SEARLE, John Rogers: *Mind, language and society (Philosophy in the real world)*. New York: Basic Books 1998.
- АРУТЮНОВА, Нина Давидовна: *Речевой акт*. In: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва 1990.
- БОНДАРКО, Александр Владимирович: *К проблеме интенциональности в языке*. In: *Вопросы языкознания*, 1994, №2, с. 29 – 43.
- ГРАЙС, Герберт Пол: *Логика и речевое общение*. In: *Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика*, 1985, вып. 16, с. 217 – 237.
- ЗАЮКОВА, Елена Викторовна: *Функционально-семантическое поле интенциональности*. In: *Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике*. Барнаул 2003, с. 94 – 96.
- ЗАЮКОВА, Елена Викторовна: *Семантика и прагматика интенциональности в языковой актуализации: автореф. Дис. канд. филол. наук*. Барнаул 2005.

АЗЫДУБ, Надежда Николаевна: Интенциональные глаголы. In: Системный анализ простого и сложного предложения в синхронии и диахронии. Ленинград 1991, с. 60 – 69.

КОБОЗЕВА, Ирина Михайловна: К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки). In: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Москва 2003, с. 267 – 271.

МИЛЮТИНА, Марина Георгиевна: Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка – результат» и его выражение в современном русском языке: автореф. дисс. доктора филол. наук. Екатеринбург 2006.

МОЩЕВА, Светлана Васильевна: Речевой акт как способ реализации коммуникативной интенции. In: Вестник КГУ им. Некрасова, 2012, №5 – 6, с.76 – 79.

МОЩЕВА, Светлана Васильевна: Аллокутивная интенция: способы графической аттракции. In: Известия высших учебных заведений. Иваново: ИГХТУ (Ивановский государственный химико-технологический университет), 2013, Т4, №1, с. 46 – 50.

СЕРЛЬ, Джордж: Рациональность в действии. Москва 2004.

СУСОВ, Иван Павлович: Лингвистическая прагматика. Москва 2006.

УШАКОВА, Татьяна Николаевна – ЦЕПЦОВ, Василий Александрович: Интент-анализ политических текстов. In: Психологический журнал, 1998, № 4, с.98 – 109.

Summary

Intentionality as a basic mechanism of speech activity

In the article some approaches to the study of intentionality in speech behavior are considered. The theory of speech acts, pragmalinguistic and functional interpretations of a language development are represented as actual and productive means. The concept of intentionality in relation to communicative goals of speech activity, the grammatical categories, the relationship of semantic functions in grammatical forms with the intentions of the speaker is studied. Intentional structure of an utterance is a very complex phenomenon, closely related to the implementation of a number of features in a language and linguistic units.